

Татьяна Иванько

ЗОЛОТО

ТОМ 1

18+

Татьяна Вячеславовна Иванько
Золото. Том 1
Серия «Золото», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43234012

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-95929-3

Аннотация

«Откуда есть пошла русская земля», никто не знает... Гипербореи, откуда пришли вы и куда сгинули? Ничто и никто не приходит из ниоткуда. Никто не уходит в никуда. Герои, живущие на нашей земле во времена Трои и могущества и процветания Египта, Ассирии и Финикии, оставили следы своей цивилизации, поглощённой океаном времени, смытых изменчивыми реками памяти, съеденной и растворённой непроходимыми болотами и лесными чащами. Существовали они в действительности? Их жизни, устремления к могуществу, исполнению мечтаний, их страсти, любовь и предательство остаются жить в нас, их потомках...

Фэнтези, созданное на фактах, интерпретировать которые можно так или иначе, доказательств нет, но нет и опровержений...

Герои незаурядные люди: Белогор – всемогущий жрец Бога Солнце, наделённый способностями, возвышающими его над всеми, Молодой царь Ориксай, царица Авилла, и другие, они не

обладают дарами как Великий Жрец, но величием души и силой духа. Кто окажется сильнее и выше?

Содержание

Часть 1	5
Глава 1. Волшебной бабочки крылья	5
Глава 2. Прокляни себя	19
Глава 3. Лучи солнца осенью так желанны и теплы	41
Глава 4. Царица	61
Часть 2	75
Глава 1. Солнечная осень	75
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Татьяна Иванько

Золото. Том 1

Часть 1

Глава 1. Волшебной бабочки крылья

Бабочка с коричневыми крыльями кружилась надо мной. Мне захотелось посмотреть, какой рисунок у неё на крыльях, радужные глазки или зелёные полосочки? Или она коричневая сплошь, будто в скромном платье, как та девушка, что только что прошла мимо навеса, где я сидел, и где порхала над моей головой эта чудесная бабочка.

Обычно я вижу желтых бабочек с чёрным глазком на верхнем крылышке и чёрной каёмкой, а такие вот, большие коричневые, необычные бабочки попадают так редко.

Я люблю бабочек. Я люблю смотреть на них. Как на женщин. Я поднялся со скамьи, чтобы взглянуть сверху на крылышки этой смелой бабочки, что, не боясь, села на столб, поддерживающий крышу навеса. Так и есть: радужные синие глазки на крылышках.

– Ну, что не улетаешь? Так уверена, что я не обижу тебя? – сказал я бабочке, и протянул к ней руку, может быть,

позволит коснуться своих крылышек.

Позволила, вот чудо! Раскрыла их моему взгляду помедленнее, она говорит ими: «Взгляни-взгляни разочек, да я полечу!...» И, медленно взмахнув ещё раз своими нарядными крыльями, действительно улетела. Я всегда хорошо понимал безмолвный язык и людей и животных. Лучше моих братьев.

Проводив взглядом мою прекрасную крылатую подругу, я посмотрел на моего вечного спутника, уже двенадцать лет, из моих двадцати девяти, он со мной, рядом вырос и, хотя считается, что он мой раб, шут-песенник, ближе у меня, пожалуй, никого нет.

Тощий, востроносый, с длинной худой шеей, лохматыми ярко-рыжими волосами, которые на деле у него были светло-русыми, но он красил их хной, привозимой и в этот город с далёкого юга, где наши сколоты выторговывают её у персов, он вытянул шею, будто следит за кем-то. Я не видел ещё, чтобы он так пристально куда-то смотрел. Или... На кого он смотрит? На ту, что прошла давеча мимо? Но что-то слишком уж внимательно, это странно, я ничего особенного не заметил, я вообще не смотрел, хотя, мы сюда приезжаем во второй раз и, по-моему, за те недели, что мы здесь, уже разглядел всех местных девиц и женщин.

– Ты чего это, Лай-Дон? – засмеялся я. – Влюбился? Может, женить тебя, а?

Лай-Дон посмотрел на меня:

– Шутишь всё, кто за меня пойдёт? – он нахмурил густые

брови. Сердится почти всерьёз, ишь ты...

– Да и кем моя жена при мне будет? Твоей рабыней?... Ещё спать вздумашь с ней, – он отвернулся. – Нет, Яван Медведь, жениться не будем.

Я захохотал, ему единственному разрешалось так смело говорить со мной, со мной, младшим братом царя Северных сколотов. Даже моя жена, что родила мне пятерых здоровых сыновей, никогда не говорила со мной так вольно.

Вообще мы мало говорим с Веей. Я люблю её, потому что она создаёт мне дом, которого нет ни у одного из моих братьев. Ещё потому что мои сыновья здоровы и сильны, сообразительны, и я могу только гордиться ими, благодаря ей, их матери. А ещё потому, что она никогда не устраивала мне ревнивых истерик, хотя наложниц я беру сотнями. Тех, кто нравился мне больше, с кем я проводил по много времени, я после выдавал замуж за моих воинов или за Явора, нашего среднего брата.

Вее всегда хватало мудрости, не принимать всерьёз всех этих женщин, хотя бы, потому что у меня не было даже побочных детей, за этим я зорко следил. Как мне не любить её? Она надёжная стена за моей спиной, стена, которая удержит меня всегда, что бы ни происходило.

Такой стены, не было ни у Великая, царя Северных сколотов, потому что его царица умерла семь лет назад и его единственный сын Орик, тогда двенадцатилетний подросток, повзрослел разом, став полноправным членом и цар-

ского Совета и войска.

А у Явора, нашего среднего брата вообще невезение с жёнами: их у него было такое множество, что он, думаю, и не помнил всех. Глядя на дядю, и царевич Орик взял ту же моду: за ним таскалось столько, так называемых жён, что от их шатров бывало тесно, если он с ними со всеми выезжал из столицы, а в самой столице они занимали целый квартал, он так и назывался: «царёвы соты».

И детей, мой юный племянник, наплодил уже уйму. В его девятнадцать их у него, обоего пола, было уже восемь человек, причём два старших сына ухитрились родиться в один день. Но для наследования это обстоятельство ровным счётом ничего не значит: наследником царя станет только сын царицы. А царица у него появится, когда он сам станет царём, то есть по смерти отца. Будет это одна из его теперешних жён или он возьмёт себе новую, кто знает...

Мы пришли сюда, на Великий Север, четыре года назад, вслед за, завоевавшим его за два года до нас, нашим вечным врагом и соперником Колоксаем, из рода южных кочевых царей. Они проходили набегам и по нашим землям, и мы спорили с ними многие уже десятки, а я думаю, и сотни лет, то уступая, то одолевая.

Но именно здесь мы окончательно сломили их, перед этим сломивших Великий Север. Наверное, это должно было произойти именно на этой благословенной земле, откуда вышли некогда наши предки. Они уходили с севера, спасаясь от на-

ступающего льда и моря, уже поглотившего большую часть их цветущей страны. Теперь от неё остался только Великий Север, широкой полосой лежащий по берегу Северного океана, где ещё продолжали жить эти необыкновенные люди, хранящие тайны наших общих пращуров.

Впрочем, великим Великий Север перестал быть ещё до завоевания нашими предшественниками. Рухнула прежняя династия, та, что управляла благословенным народом всю его историю, не потерявшая власти даже после того, как большая часть народа ушла на юг, рассеиваясь среди чужих народов и земель, она подломилась теперь.

Почему? Я углубился в изучение этого вопроса. Больше меня этим интересовался только Орик. Из нашей семьи, я, пожалуй, ближе всего именно с ним. Мне нравится бешеный нрав моего племянника, его страстная, нетерпеливая, жадная до жизни натура, а он симпатизирует мне по причинам нашего с ним сходства. Из всех родных я ему ближе ещё и по возрасту. Все бои и охоты мы с ним оказывались рядом.

При этом он умён и образован, с ним вдвоём мы и изучали предания и рассказы тех, кто готов был рассказывать нам историю этой страны, потерявшей неожиданно благословение Богов. Главным рассказчиком повествователем стал для нас кудесник-далегляд Белогор, Вышний жрец Солнца, хранитель и проводник в жизнь знаний сотен и сотен поколений Северян. Он, дальний племянник последнего царя, обладатель древних тайн, позволявшими ему, одному из всех остав-

шихся живущих, заглядывать в даль времени, в прошлое и в будущее, оживлять каменные спирали. И, я думаю, много чего ещё может этот, кажущийся холодным, но прячущий под внешним спокойствием, кипучий ум и горячую душу, и много-много тайн, которые пока не торопился поведать нам.

Изворотливый ум и хитрость позволили ему, единственному из всего их прежнего царского рода, остаться в живых при Колоксае. Вот он-то, Белогор, и поведал нам с Ориком, что царский род прервался не иначе как по проклятию богов. Последний из царей Великого Севера, Светояр, имел множество жён и незаконных детей. Его единственная законная дочь, царица Авилла, должна была стать следующей царицей Великого Севера. Однако Авилла вступила в постыдную связь со своим сводным братом Дамагоем, старшим из ублюдков отца. После этого Дамагой сбежал, а Авиллу, развенчав, обрив наголо, изгнали.

– Почему не казнили его? – выпалил Орик.

Белогор посмотрел на него и улыбнулся:

– В самый корень зришь, царевич, – у Белогора вспыхнули глаза на его немного жёстком, будто вы рубленном из камня лице, безбородом, как положено кудесникам. Бороды им воспрещаются, «дабы не могли солгать и в бороде ложь спрятать».

– Должны были казнить, конечно, ничего иного и быть не могло, – сказал он, хмурясь и опуская глаза, ему самому, очевидно, тяжело вспоминать о тех событиях, – обязательно

казнили бы, тем более что ему было двадцать пять, а царевне двенадцать...

– Двенадцать?! – будто отхлынули мы с Ориком...

Белогор со вздохом поднял плечи, показывая, насколько ему жаль юную царевну.

– Дамагой сбежал той же ночью, когда их застал отец. Это сохраняется в тайне. Царевну объявили умершей, чтобы сбереечь царский род от позора. И никто, даже в тереме не знал о том, что действительно произошло. Но... Царь остался без наследников. Царица, мать Авиллы, умоляла мужа сжалиться над дочерью, уверяя, что девочка не могла быть сама повинна в таком деле, что это Дамагой, насильник и подлец, таким манером мстил ей и самому царю, своему отцу, за то, что тот отнял у него все надежды стать царём, что жестоко изгонять девочку, ещё игравшую в куклы... – голос у Белогора дрогнул, чуть треснув, он нахмурился, стараясь справиться с собой.

И я будто его глазами увидел девочку, с которой поступили так жестоко и несправедливо и которую Белогор любил, должно быть, и не забыл до сих пор её злую судьбу... Одну, совсем одну... из терема, на произвол судьбы, на произвол злых людей.

– Светояр был непреклонен...

– Похоже, свет погас в разуме вашего Светояра, – сказал Орик, белея от злости. Он взглянул на Белогора: – Неужели одну выгнал? Никого не послал с ней? Чтобы... Ну, хотя бы

для защиты?

У него блестят глаза, даже брови поднялись, жалеет девчонку. Я всегда знал, что у него доброе, даже мягкое сердце, каким бы жестоким воином и яростным охотником он не представлял всегда.

Я знаю его с младенчества, когда он родился, мне самому было одиннадцать лет, мы, в общем-то, росли вместе. До смерти матери он был самым добрым мальчишкой, что я вообще видел, на охоту было невозможно его брать, он жалел пойманных и раненых зверей, как котят... Только со смертью матери всё изменилось. Впрочем, эту неизвестную царевну, несомненно, погибшую теперь, было жаль и мне. Страшно вообразить, как сложилась её судьба...

– Совершенно одну... – повторил Белогор, понижая голос и отворачиваясь, не желая больше обнажать перед нами свои чувства, я вообще впервые видел в нём проявление каких-либо чувств.

Что ж удивляться, это всё близкие ему люди, его семья. Девчонка Авилла, надо понимать, росла у него перед глазами, как Орик перед моими. Но Белогор довёл до конца свой рассказ:

– Мать Авиллы вскоре умерла с горя, так и не простив жестокость мужа. А через пару лет пришли сколоты Колок-сая и очень легко заняли всю нашу страну. Мы уже не могли обороняться, как лев с переломанным хребтом...

– Так что за красавица, на кого ты смотрел-то? Я в жизни не видел, чтобы ты так заинтересовался... Да ещё с таким волнением! – не унимаюсь я, коверкая голос и дурачась, со скуки донимая моего верного Лай-Дона расспросами.

Мы в этом городе с ежегодной инспекцией, объезжаем города и деревни, вызнавая нужды и чаяния людей, проверяя, кто недоволен, и чем. Нет ли тайно зреющих заговоров против нас. Всю знать перебили ещё предыдущие завоеватели, мы не делали даже этого, и вообще не обижали, как мне казалось, местное население – северян, но недовольные всё равно всегда были и будут.

У меня здесь была более или менее постоянная девица, ещё с прошлого года, я навещал её в доме, нарочно содержащимся для таких свиданий, приятно проводя время.

Белогор, однако, утверждал, что до прихода сколотов, продажных женщин у них вовсе не было. Но я в это не верил. Это пусть Орик верит, он всех своих девок сразу под крыло берёт, на чёрта они сдались! По молодости, должно быть и от той же своей жалостливости. Ничего, лет через пять, когда их несколько сотен у него накопится и будет не прокормить, опомнится.

– Ты хоть знаешь, где живёт-то? – не унимаюсь я, продолжая посмеиваться над Лай-Доном.

– Ничего я тебе не скажу, не то ты опередишь меня, соблазнишь её и опять Явору потом сплaviшь! – отмахнулся Лай-Дон.

– Ну, хочешь, тебе сплавлю, почему обязательно Явору! – засмеялся я. Ничего я не добился от моего скомороха.

Пока мы болтали, разглядывали бабочек, обед, которого мы и ожидали под этим навесом, уже был готов.

Удивительно, но через пару дней я опять увидел удивительную бабочку. Мало того, что ещё раз за эту осень, уже развернувшую багряно-золотые объятия, так ещё и такую же точно, а может быть ту же. Может быть, это некий знак мне. Кудесники-провидцы говорят, надо верить знакам, которые посылает Судьба. Сегодня я был один, и бабочка, порхая, «повела» меня за собой, куда то на берег озера.

Я спустился, поскальзываясь на каждом шагу на огромных круглых камнях и лишайниках, которыми они поросли, к самой воде. И, едва гладь озера предстала перед моим взором, я увидел внизу, на совершенно пустом здесь берегу, между камней, небольшую бухточку с песчаным берегом и дном, и девушку, которая развязывала пояс, собираясь снять платье, будет купаться?!..

Неужели правда станет купаться? Вода ледяная в этих озёрах круглый год, недели через три ледяными караваями браться начнёт...

Она не оглядывается, уверена, что никто не будет смотреть на неё в этом, кажущемся ей тайном месте. Сняла пояс, мигом сбросила платье, волосы скрыли её до бёдер от моего взгляда, я надеялся, что соберёт сейчас и откроется опять мне её тонкая белая, как берёза, девичья фигурка, но ничего

подобного, лишь связала их лентой и пошла к воде.

Последние шаги пробежала и бросилась в воду с разбега, нырнула... Меня даже на берегу, далеко от воды пробрало до костей от того холода, который, должен был охватить девушку.

Я не видел ещё, чтобы кто-то из людей так свободно чувствовал себя в воде. Либо она дочь морского царя, либо... Я не верю, что среди людей могут быть демоны и прочая волшебная нечисть, болтают много, я сам таких не встречал. Но кто тогда эта девушка?..

Я не могу не подойти ближе, чтобы хотя бы рассмотреть её получше. Уж слишком красивой и, главное необыкновенной, она показалась издали. А ведь я думал, что видел здесь уже всех.

Я спустился в эту бухту, вблизи оказавшуюся не такой уж и маленькой. Девушка, вернувшись, может испугаться меня, подумал я, и предусмотрительно скрылся за круглым, как и все камни здесь, выступом скалы. Но я её вижу. Вот возвращается, накупавшись, наконец... Я давно околел бы в этой воде. Выходит тонкая, высокая, очень тонкие кости, длинные упругие мышцы, это здешняя сильная порода... Волосы мокрой массой, похожие на водоросли, перекинула со спины, отжимает, скрутив в жгут. Ещё посмотрю, ещё немного, не то выйду, визжать примется... Кожа светится, опалесцирует будто, белым тёплым светом, будто хорошее молоко... Лицо...

Нет-нет, не в этом всё дело... Ни в теле и коже, и даже не в лице. Что-то в ней особенное. Что-то такое, чего я ещё не видел, даже здесь, среди этого на редкость красивого народа. Пока не пойму... интересно.

Капельки воды высыхают на гладкой коже, ещё немного и оденется, пора, наверное, выйти...

Она и не подумала бежать. Спокойно, даже насмешливо взглянула на меня, уперев руки на талию, длинные пальцы, будто пояс...

– Что смотришь, сколот, бесстыжие глаза? Не видал, разве обнажённых женщин? Ты на жену свою иди, гляди! – проговорила она, голос журчливый, как ручеёк и такой же спокойный. Как он может быть спокойным? Неужели несколько не боится меня?

– Далеко жена, в столице... – растерянно сказал я.

Вот это да, девчонка, моложе меня, чуть ли не вдвое, нагая стоит передо мной и ещё...

– Твоя беда, сколот.

Ну, да, насмехается! Вообразите?! Я могу тут же овладеть ею, даже синяков не насажав на её кожу, просто потому что я настолько больше и сильнее, что мне не придётся применять большой силы для этого, а она насмехается! Неслыханное что-то. Откуда такая наглая уверенность? Тут я понял, что меня так задело сразу, когда я разглядывал её исподтишка: гордая осанка. Как ни у кого. Будто у неё струна в спине, которая тянет её к небу, прямо к солнцу... Она между тем

взяла платье, спокойно встряхнула, собираясь надеть...

– Я нагих видел, разумеется, но такой красоты... – продолжил я свои речи, не теряя всё же надежды, приблизится к этой красоте, притягивающей меня.

Но она лишь поморщилась на это:

– О, сколот, не сори словами. Слово – золото, но к моим ногам не бросай, я не нагнусь поднять, – платье упало как полог, закрыв от меня светящееся тело.

– Отчего же? – я удивился её речам.

В этом городке Ганеше, книг-то сроду не было, если только у Солнечных жрецов, не то что грамотных людей, сталь, правда, умеют варить, как и в других городах, но чтобы... чтобы так разговаривать, как надо уметь думать?.. Она улыбается, волосы крупными кудрями берутся, высыхая:

– Опасно, знаешь ли, нагибаться – зад оказывается выше головы.

Я не мог не засмеяться над её словами:

– Ты за голову опасаясь или...

– Да мне дорого всё, что есть, всё моё! Так что иди, сколот, своей дорогой, – вот и пояс затягивает на талии, которую я легко сжал бы двумя ладонями...

– Я – Яван.

– Мне всё равно, – она вдела ступни в босоножки, до сих пор босоножки носит, уж осень... Пошевелила пальчиками, продвигаясь по плотной коже подошвы.

– Как тебя звать? – спросил я.

– Не скажу, – уходить намерилась, ловко и легко преодолевая валуны, на которых я чуть себе ноги не переломал, пока подбирался к ней. – Тебе незачем звать меня, я не приду!

– Так я сам приду! – я догнал её уже на гладкой скале навверху, пытаюсь поймать за руку.

– И думать не смей! Ишь ты, не балуй! – она отшатнулась, гневно сверкнув глазами. – Руку отрежу тебе, если ещё протянешь!

– Да стой же! – я не пытаюсь больше коснуться её, почему-то верится, что может отрезать.

– И ходить за мной не вздумай, муж увидит, шею тебе свернёт!

– Да нет у тебя мужа! – я уверен, что нет.

– Не твоя печаль! – она исчезает за ближним валуном, мелькнули только кончики волос.

Пока я взобрался на самый верх, её и след простыл, быстрая, лёгкая как лань, убежала. Хотя нравом совсем не лань, скорее дикая кошка. Орик, такой же, он парень резкий, и тоже руку отрезал бы, если что. Других таких бешеных я больше не знаю, тем более среди женщин. О, как защекотала моё самолюбие, моё воображение эта встреча...

Глава 2. Прокляни себя

Всё, что рассказал обо мне царевичу и брату царя сколотов кудесник Белогор, всё правда. Я, Дамагой, был старшим, любимым сыном царя Светояра, его наследником. В те счастливые и светлые времена я звался Ольгом и рос настоящим царевичем, во время трапез и на Советах, я сидел о правую руку отца. Я жил в царских покоях с золотыми потолками, ел и пил на золоте, постель мне застилали самым тонким полотном, расшитым Берегинями, сварогами и коловоротами. Все знали, что я следующий царь Великого Севера.

Но мой отец вдруг надумал жениться на девушке настоящей царской крови, считая, что это ещё укрепит наше и без того великое царство. И, как и следовало ожидать, у них родилась дочь через год!

Не имело значения то, что она не мужчина, важно только, что она – дочь царицы, а не обычной наложницы, одной из десятка, как я. С этого дня моя жизнь поменялась. Теперь меня не кормили с золотой посуды, сбруя моего коня теперь стала простой, как у всех воинов, а в саадаке (колчане) обычные деревянные стрелы, а не с золотым оперением, как раньше. И обращались теперь ко мне не Ольг, славный царевич, теперь я стал просто Дамагой.

И девчонка проклятая не умерла! Ни через месяц, ни через год, ни через десять лет! Умирает столько детей, иногда

странно, что вообще кто-то умудряется вырасти, а эта девчонка не умерла!

Жгучая, едкая ненависть, как кислота, выступающая на стенах тайных помещений наших пещер, как рассказывают, такая кислота разъедала мою душу каждый день все эти годы, не отпуская, не прекращаясь ни на миг.

У меня были уже жена и дети, но ничто не радовал меня, потому что я потерял главное, я потерял то, что было смыслом моей жизни с самого моего рождения. Для чего я жил теперь? Чтобы быть одним из воинов в войске моего отца. Пусть одним из воевод, но таким как все, не царём...

Все эти годы я держался вблизи девчонки, царевны Авиллы, сначала думая, как бы мне убить её и не попасться, но обдумывая это, понял, что это слишком лёгкий выход для неё, что она в этом случае ничего не почувствует, ничего из того, что чувствую я!

Нет, мерзавка! Ты не умрёшь! Ты потеряешь всё, и ты будешь мучиться, как и я!

Вот тогда, когда проклятой Авилле было десять лет, я и придумал, что мне надо сделать, чтобы она перестала быть царевной, но осталась жива.

Авилла, росла не только доброй и милой, что её обожали все до последнего раба, каждый готов был во всём услужить ей, но она была настолько деликатной и тонкой, что лишний раз никого не утруждала, не вела себя как положено при её положении, как вёл я, когда был главным мальчиком

царства. Поэтому так сложно было найти людей, кто помог бы мне в том, что я затевал. Пришлось всё делать самому.

Авилла знала, что я был наследником до её появления, знала, что меня даже из царских покоев переселили, чтобы освободить их для неё, и, будто бы нарочно, чтобы злить меня ещё сильнее, она всегда старалась вести себя со мной так, будто я её полноправный старший брат, а не бесправный ублюдок её отца, которого он вышвырнул как чесоточного щенка за дверь...

Именно это и помогло мне, её уверенность, что она виновата передо мной уже своим существованием. Она всегда искала как бы сделать так, чтобы я не чувствовал своих потерь, жалела меня, дьявол её возьми! Она, сопля, жалела меня, взрослого мужчину!

Но я не пожалел её. Я использовал её отношение. Её готовность выполнить любое моё желание, это было её слабостью, её любовь ко мне и то, что она считала меня своим братом, а значит, доверяла безоговорочно.

Поэтому я смог уговорить её сделать то, что и выбросило её не только из царского терема, но и из жизни царя, нашего отца, из жизни всего нашего царства.

Нет, я не был тогда ещё полным чудовищем и не жил с ней. Вполне достаточно было того, чтобы мой отец, царь, возлагавший на эту девчонку будущую судьбу царства, чтобы он убедился, что она недостойна трона, потому что она блудница. Грязная кровосмесительная блудница. Картина, которая

предстала его глазам, была настолько красноречива, что оценить как то её иначе у царя Светояра не было возможности.

Вставая с ложа в ту ночь, я не смотрел на Авиллу. И, не потому что спешил сбежать на поджидавшем меня корабле, не потому что боялся неминуемой смерти, промедли я хотя бы несколько мгновений. Нет, я боялся почувствовать жалость к ней. Запомнить её взгляд. Запомнить её, ещё ребёнка, который подчинился мне, считая невинной игрой то, что я делал с ней, запомнить такой, обнажённой, удивлённой и растерянной. Такой, выброшенной внезапно из гнезда.

Я предполагал, что с ней будет. Именно этого я и хотел, но добившись, ужаснулся...

Я бежал по тёмным улицам к пристани, слыша, как просыпается город за моей спиной, как факелы множатся, растекаясь по улицам, похожие на огненную реку, ещё немного и затопит меня и поглотит. Навсегда, так, чтобы никто никогда не вспомнил даже моего имени.

И всё же, убегая, я продолжал чувствовать, как сжалось и никак не может расслабиться и спокойно биться моё сердце. Как бы я ни был озлоблен и жесток, я ни разу в жизни не обижал детей. Авилла была ребёнком, она была моей сестрой...

И даже, когда наш корабль отчалил от пристани, а преследовать меня никто не смог бы, потому что мы испортили все корабли, стоявшие на приколе, даже тогда, и после, когда мы много дней плыли и плыли уже не преследуемые никем по-

среди ледяной океанской пустыни, я всё же не мог избавиться от мыслей о том, что я сделал.

Не только потому, что я навсегда стал изгоем, проклинаемым в моей семье, потерял навсегда семью и родину, но и потому, что раньше я никогда не был злодеем. Теперь я им стал.

Это оказалось тяжелее, чем я думал. Вернее сказать, когда я задумывал всё, я не мог даже предположить, как мучительно будет преуспеть в моём предприятии. Я много думал о том, что будет, если я не смогу осуществить то, что задумал, как и что я буду делать в этом случае. Но я ни разу не подумал о том, что будет, если всё получится. Я не подумал ни о чём, кроме путей к отступлению, потому что быть казнённым за то, что совратил девушку, тем более сводную сестру, в мои планы не входило. А вот, что я буду чувствовать в случае удачи, я не думал.

Планируя всё, я злорадно представлял, как будет страдать она, моя жертва, но я не предполагал, что будет после со мной. Оказалось не так-то просто стать мерзавцем. Не в чужих глазах. В своей душе.

Но мог бы я поступить иначе? Мог я не отомстить, в первую очередь отцу за то, что он в одночасье отказался от меня, как от наследника, подчеркнув моё низкое происхождение? Мог не показать ему, что его законная дочь, его царица, не только не лучше, а в сто раз ниже и грязнее меня! Ведь женщину судят строже, и карают страшнее. Что такое

казнь, которая угрожала мне, по сравнению с тем, что ожидало её...

Пока размышляешь об этом, всё кажется правильно и красиво. Но когда всё сделано, куда девается красота и правильность? Я не знаю, что именно сделали с Авиллой, но зная нрав нашего отца, легко предположить, что его сердце не смягчится. И всё же... он мог бы... он мог бы...

Он мог бы, это в его власти, он мог бы, лишив Авиллу права наследования, просто выдать её замуж и отправить в какой-нибудь дальний город. Или не выдавать замуж и позволить скрытно жить где-нибудь, в окружении верных людей.

Но я знал нашего отца. И так, как он не смягчился бы ко мне, он не смягчился, конечно, и к Авилле... Мне не хотелось думать об этом. Я измучился, стараясь не думать об этом. К концу пути, когда мы почти дошли до далёких берегов, куда я стремился, чтобы там найти себе новую родину и новую семью, я уже сожалел о том, что оставил Авиллу нетронутой, лучше бы я и правда сделал с ней то, что все думают, я сделал, чем она досталась кому-то, кто мог быть с ней груб и жесток, кто... Ведь она может умереть только от того, что... Она слабая и нежная, она, конечно, погибнет, если её отправят быть шлюхой... Лучше бы я убил её.

А ещё лучше, стал бы советчиком и помощником при ней. Она была бы царицей, но правила бы моим умом. Это было тем более вероятно, что мужем Авиллы должен был стать Белогор-кудесник, друг моего детства, с кем я рос и был бли-

зок, настолько, насколько я вообще мог быть с кем-либо близок. Только одно я скрывал от него, то, что я затевал против его наречённой невесты, а значит и против него. Стань они следующими царями Великого Севера, я был бы первым среди первых.

Я не был бы только царём. Но меньше от того была бы моя власть, о которой я так мечтал?.. Почему злоба во мне оказалась сильнее хитрости?

Как я жалел о том, что натворил! О том, что ничего нельзя повернуть назад. Ничего сделанного не исправить. Но терзаться вечно невозможно. Переболев угрызениями и сожалениями как морской болезнью, я сходил на берег уже освобождённым человеком. Не от мук совести. Мне стало легко от сознания, что совести у меня нет.

Спускаясь по сходням на берег, я оставил все муки, всё, что изводило меня, на этом корабле, который был последним, что связывало меня с покинутой родиной и начать жить заново. С новым именем, новой судьбой...

В новой стране я остался недолго, не больше года. В последующие несколько лет я переезжал и переплывал из страны в страну, пока не добрался до берегов внутреннего моря, земель скотов, обладателей несметных богатств, воинственных и решительных, к тому же родственных мне по крови. Я остался с ними.

Мне нравятся эти люди. Их весёлый и в чём-то бесшабашный нрав, радушие и добродушие, которых я не встре-

тил больше нигде, лёгкость на подъём, жажда справедливости даже в мелочах, непримиримость к врагам, преданность дружбе и однажды данному слову.

Я вступил в ряды их ратников и в первом же бою, при обороне от ратей, пришедших из-за моря, они на моих глазах проявили такую храбрость, такую удивительную стойкость и мужество, что я понял, эти люди для меня будут подходящей новой семьёй. Они приняли меня. Я стал их побратимом, а это у них выше, чем кровное родство.

От них я и узнал, что Великий Север моего отца пал под копытами царя Колоксая, который убил и моего отца, и всю знать, всех, кого я знал с детства... но и Колоксай недолго провёл на троне моих предков.

Царь Великсай занял его место теперь. Ему легче – царской семьи, тех, кто мог быть недоволен их приходом в страну Великого Севера, теперь не осталось. Поэтому теперешние хозяева Великого Севера правили относительно спокойно.

Но во мне стал зреть новый план. Я хотел вернуться. Я всегда хотел вернуться. Я не переставал тосковать по моей родине. Я последний из сыновей царя Великого Севера, я должен править моими землями, я, а не Великсай или его наследники...

Я спешила от озера не только потому, что ко мне привязался этот Яван, он не первый, но больше потому, что опасаясь

лась, как бы не увидел кто-нибудь ещё. Никто не купался в озере в такое время. Летом-то никто не купается – слишком холодная вода, а тем более осенью, как теперь, когда начинают желтеть листья и ночи становятся почти равны дням.

Ещё дней двадцать и упадёт первый снег. Я и тогда приходила на берег плавать. И зимой ныряла в полынью. Если кто-нибудь узнает об этом, меня станут считать демоном. Никто не может того, что делаю я. Люди хорошо относятся ко мне, только поэтому не выискивают во мне подозрительного.

Но был один человек, кто почти неотступно следит за мной уже несколько лет. Волк, прилип ко мне ещё в Пещерном, когда я уехала оттуда с лекарями, жрецами Солнца, к которым мне удалось плотно прибиться. И с тех пор так и преследует, пытаюсь то изнасиловать, но это мне не в новинку, таких попыток я за много лет отбила уже, наверное, сотни, то жениться на мне, что было, пожалуй, ещё хуже.

Девушка, живущая сама по себе, магнит для тех, кто жаждет поразвлечься. Много моих подруг стали жёнами сколотов, другие просто переходили из рук в руки, таким манером зарабатывая на жизнь и некоторые даже неплохо зарабатывали, куда больше, чем я своей помощью лекарям, жрецам Солнца. Меня, как девушку, в эти жрецы принять не могут, я могу быть только помощницей, повитухой, перевязывать раны, лечить бедняков, у которых нет золота, чтобы платить настоящим жрецам. Но я столько лет при них, что научилась делать всё, что делают они, только без красивых вели-

чественных обрядов и песнопений, которыми жрецы сопровождают действо. У меня просто лечение. Но входить в транс умею и я, не прибегая к танцам и пению, которые соединяют жреца и Бога Солнце. Он, Бог Солнце, со мной говорит непосредственно и не словами, я чувствую Его, Он будто входит в меня управляет мыслями. Может быть потому, что я женщина. Природа женщины ближе к земле, а Солнце любит землю...

Но об этих моих способностях не должен догадаться никто и никогда. Поэтому я при Солнечном дворе, или дворах, переезжая из города в город, я перехожу с одного Солнечного двора на другой. Так я могу и на хлеб заработать и применить способности, которыми меня наградил Бог, не вызывая подозрений.

Таких как я, помощниц жрецов Солнца, здесь, в Ганеше, было много, кто-то пришёл с нами из Ледовита ещё, где к ним, присоединилась и я, кто-то пришёл к нам уже здесь, в Ганеше. Красавица Вербa, одна из таких же, как я помощниц, была моей подругой, но она не гнушалась и обширными связями с мужчинами. Из-за этого она беременела, и приходилось прибегать к ядам, которые изгоняли плод. И яды эти, как и все другие яды, мы брали на дворе Лунном. Так заведено издревле: Солнечные дворы ведают Жизнью, Лунные – Смертью.

Я сердилась на неё за это, всякий раз, во-первых: потому что за это меня могли жестоко наказать, если бы узнали, а

во-вторых и, наверное, в главных: распутство мне было противно. Противно было и Вербе, но она никак не могла остановиться на этом пути, вступив на него.

Поднявшись на берег, я оглянулась по сторонам, никто не обратил внимания на меня. Давно уже те, кто хотел на меня поглазеть, поглазели, я живу в этом городе уже почти полный год. А других, вроде Волка, я не увидела и поэтому спокойно пошла к дому.

Скоро полдень, в это время каждый день, даже в пасмурный, как сегодня, совершаются обряды посвящённые Богу Солнце. К нему положено переодеться. А после отправляться к больным. Сейчас погода стояла тёплая и сухая, лето в этом году долго не сдавало своих позиций, поэтому болели мало, даже дети, так что работы немного.

Но я ошиблась, что никто не смотрит на меня, какой-то щуплый юноша, не старше меня, с ярко-рыжими волосами, окликнул меня. Я обернулась, он подбежал ко мне. Ещё не хватало, всех чертей на меня повесят, если увидят... Репутацию свою я берегу не ради себя, мне, в общем-то, давно безразлично, что думают обо мне люди, но ради того, чтобы вездесущий Волк не увидел и не активизировал своих попыток завладеть мной, во что бы то ни стало. За те три года, что он таскается за мной со своими притязаниями, я даже привыкла к нему в известном смысле, как люди привыкают жить с цепью на шее, но я не хотела, чтобы эта цепь ещё туже обвила моё горло... Поэтому я была недовольна, что за мной

бежит какой-то незнакомый юноша.

– Подожди! Подожди, Онега! – и имя моё узнал откуда-то!
Хотя какая там тайна...

Он ростом едва с меня. У него высокий голос, что ж, неудивительно, у него, похоже, и борода-то не растёт. Может он из жрецов, они ходят без бороды... Да нет, какой он, к дьяволу, жрец, скоморох скорее...

– Тебе чего? – спросила я, остановившись.

– Ты... – он запыхался.

– Отдышись, чума, ишь, задохся, – усмехнулась я. Он приятный. Тонкая кожа на лице, вон покраснел как.

– Я – Лай-Дон, я... можно... я пройду с тобой до... куда ты идёшь? До дома...

– Зачем, Лай-Дон?

– Посмотрю на тебя... – его светлые глаза мерцают. Влюбился, ну, надо же...

Только этого и не хватало мне. Но он не опасный человек, похоже. Поэтому я улыбнулась:

– Ну, идём. Только я не домой иду, я...

– А я знаю, Онега, – улыбнулся он, ободрённый, что я не гоню его.

– Откуда знаешь? Следишь что ли за мной?

Я смотрел на эту чудесную девушку и не мог поверить, что она говорит со мной, что позволила идти рядом с ней. Я смотрю на неё издали уже десять дней, с тех пор как мы приехали в Ганеш с Яваном.

Каждый год братья царя и царевич проезжают по городам, чтобы знать, чем живут люди и предупреждать возможное в недрах народа недовольство. Мы останемся в Ганеше, думаю, до ледостава, чтобы потом по утвердившийся дороге поехать дальше.

Я не очень-то рассчитываю на то, что Онега сразу позволит мне поцеловать себя, тем более, станет моей любовницей, но держаться вдали от неё я был уже не в силах. Ухлёстывать за теремными девушками и разнообразными женщинами более или менее молодого возраста – моё любимое занятие лет с шестнадцати. Сейчас мне девятнадцать, я уже поднаторел. Яван не ухлёстывает – ему достаточно свиснуть и любая будет его.

Удивительно, вблизи Онега оказалась не такой как издали. Издалека она виделась невообразимо прекрасной, гордой, высокой, неприступной и холодной, но едва я приблизился на расстояние вытянутой руки, я оказался будто в круге тепла и света: такой оказалась её улыбка, то, как она говорила со мной, необыкновенный голос и то, как она сказала нарочно «задохся», а не «задохнулся», похоже, играет словами, я вижу по насмешливым искоркам в глазах...

А как она смотрит! Достаточно было бы сказать, что у неё необычные глаза: они разного цвета, один глаз тёмный, тёмно-синий, почти чёрный, а второй очень светлый, прозрачный – голубой. Будто день и ночь смешиваются в её взгляде... Но это не всё. Её глаза живые и проницательные

и слишком... слишком умные для неё. Для её юного лица, сколько ей лет? Не больше... нет, не могу понять, она кажется пятнадцатилетней, а говорит и смотрит так, будто ей больше тридцати...

Я достал из кармана браслет из витого золота, очень скромный, но я надеялся, что для знакомства он подойдёт.

– Это ещё что? – удивилась Онега, останавливаясь. – Ты с чего это решил, что можешь дарить меня?

– Я вижу, у тебя совсем нет украшений...

– Это не потому, что я не могу их себе купить или сделать, Лай-Дон! – она сверкнула глазами.

И никакой вам больше улыбки. Вот вам, пожалуйста, в первый раз со мной такое, когда это девчонки отказывались?

– Но... – я захлопал глазами как дурачок, не зная, что делать с проклятым браслетом, спрятать за пазуху или кинуть в канаву сейчас же.

– С подарками больше не суйся, идёт? – улыбнулась всё же и глазами больше не жжёт.

– Если спрошу, почему, по зубам врежешь? – я не сомневаюсь уже, что она может.

Онега засмеялась:

– Ладно, не врежу. Я пришла.

Я огляделся, вот дьявол подземный, и правда пришли уже: высокое крыльцо, резные раскрашенные красной и золотой краской узоры на лестнице, вокруг дверей и окон. Красные стены. Да, это обиталище жрецов Солнца, самый высокий,

самый красивый дом в любом городе. Стоят они посреди Солнечных дворов, где и кроме терема для главного жреца города, есть и ещё, для тех, кто рангом пониже, и домики помощников и помощниц. И, конечно, хозяйственные постройки самые разные, ведь здесь готовят чудодейственные снадобья. Солнечные призваны лечить. Всех на Великом Севере лечат без платы, нет богаче двора на Севере, чем Солнечный, даже царский, случается, занимает золото здесь. И, говорят, золото у них не переводится никогда. И всё потому, что они, Солнечные, ближе всех в Богу. Богу Солнце, чьи статуи в каждом Солнечном дворе занимают центральное место. В столице эта статуя из золота. В остальных городах деревянные, но украшены замысловатыми узорами. Не каждый царь или царица Великого Севера был посвящён этому культу, не всякий царь может быть допущенным до высоких тайн.

Почётно простой девушке быть помощницей жрецов Солнца. Поэтому она, должно быть, и опасается испортить мнение о себе. Хотя чего так уж строжиться честной девушке? Многих девчонок я знаю с Солнечных дворов, как и с Лунных, впрочем.

– А...

– Что, помогать мне пойдёшь? – она засмеялась.

– А возьмёшь?

– Тебе не понравится.

– Ты возьми, а там поглядим...

Я улыбнулась, глядя на чудного юношу. У меня давно не было таких приятных знакомств. Да и не завожу я знакомств вовсе, отсекая любую возможность этого, вот как сегодня на озере. Я привыкла поступать именно так. А с этим странным рыжим Лай-Доном мне не было страшно, он мне понравился, таких как он, я ещё не встречала. Так что я взяла его с собой. В первой же избе ему сделалось дурно, и он выскочил на улицу, где его шумно вырвало. Когда я вышла, он уже порозовел и отдышался.

– Я же говорила, тебе не понравится, – засмеялась я, выходя к нему.

– Неужели тебе это нравится? – удивился он.

– Я могу помочь этой женщине, её нога не будет теперь так болеть. Так что, да, нравится.

– Подумаешь, какая-то старуха... – пробормотал он, всё ещё зелёный и мокрый от невольной дурноты.

– Когда-нибудь и я стану старухой, и мне хотелось бы, чтобы нашёлся кто-нибудь, кто сможет и мне помочь не так мучиться от старости, – сказала я.

– Ты не станешь старухой.

– Стану. Как и ты станешь когда-нибудь стариком. А какой ещё выход? Умереть молодыми?

– По-моему нет ничего хуже старости, – убеждённо произнёс я.

– Нет ничего хуже немощи, безумия, зависимости, но это всё может быть с молодыми. А старость достойна и уважа-

ема, старость – это мудрость, это то, что должен охранять всякий достойный народ. Старики ценнее детей, детей люди производят на свет тысячами каждый день, а старики уходят невозвратно. Старики – это мост в прошлое, в историю. Дети – в будущее, но каким будет это будущее, зависит от того, хорошо ли мы помним прошлое.

Я не удивился, я изумился, я не ожидал услышать такое вообще ни от кого, тем более от неё...

– Кто твои родители, Онега? – спросил я. Может, так я смогу понять её странности?

Она улыбнулась невесело, не глядя на меня:

– Уже никто. Они умерли очень давно. Я давно сирота.

– Но кто учит тебя?

– Жрецы. Чему учит, о чём ты, Огненная голова? – засмеялась она.

Испугалась говорить всерьёз, почувствовала, что я хочу заглянуть в неё поглубже.

А вечером при трапезе я спросил Явана, что он думает о старости. Он самый умный из всех троих братьев, куда умнее Великся и даже Явора, которого прозывали Мудрым, но, по-моему, больше из-за того, что он умел показать себя таким при посторонних, на Советах же, как правило, отмалчивался и зевал от скуки.

Яван посмотрел на меня своими громадными голубыми глазами, удивляясь моему вопросу:

– Полагаешь, мне пора задуматься? Седые волосы у меня

в бороде увидал?

– Всё шутишь! – рассердился я

– Что делать, ты что-то не шутишь давно, приходится мне, – легковесно рассмеялся Яван, не желая говорить всерьёз. – Так что?

– Нет, не разглядывал я твою дурацкую бороду! Что ты вообще думаешь об этом? Вообще о старости?

– Ну... что и все. Я не хочу стареть, – не раздумывая, сказал Яван.

– То есть хочешь молодым помереть?

Яван удивился, отодвигаясь от стола, оставляя запечного в сливках барашка, приправленного чесноком и пряными травами с холмов на берегу озера, где их выращивали и сушили с древних времён местные земледельцы, чтобы придавать кушаниям самые утончённые и разнообразный вкусы.

– Нет, я не хочу умереть молодым, тем более что я уже не так уж молод, – становясь серьёзным, сказал Яван. – Но я имел в виду слабость, сопряжённую со старостью. Слабость ума, слабость тела... – он нахмурился. – Зачем этот разговор? С чего такие мысли? У тебя-то впереди ещё много лет молодости.

– Мысли... У меня их не было. Просто...

Но Яван не настроен на беседы этим вечером.

– Ты меня пугаешь просто такими разговорами. Спать ложись, болтун, а я пойду, навещу Прекрасную Вербу, – он поднялся от стола, протягивая руку за плащом.

– Подарочек возьми, Вербка не откажется, – сказал я, выкладывая браслет на стол.

Яван удивился, взяв в руки украшение:

– Что, твоя зазноба не взяла? Или ты ей не по нраву? Так скажи, что ты при царском брате состоишь, может, смягчится.

– Сомнительно.

Яван недоверчиво усмехнулся.

Я подарил, конечно, браслет Вербе. Она, не напрасно прозывалась Прекрасной, её яркая красота за прошедший год только расцвела. Но сегодняшняя встреча с ней стала для меня странной. Я думал не о ней. Я думал о той странной девушке, которую встретил на озере этим утром. Я обнимал Вербку, вдыхая аромат её кожи и волос, и думал при этом, чем должны пахнуть волосы той, странной, какая на ощупь её кожа, какая она на вкус, каковы на вкус и запах её губы и язык...

Со мной такого не бывало. Никогда в жизни. Я всегда живу настоящим моментом, наслаждаюсь им, я как никто из живущих умею ценить настоящее. Но сегодня я оказался настоящим не удовлетворён. И, даже засыпая рядом с посапывающей сладко Вербкой, утомлённой моими ласками, я не чувствовал привычной радости. А я всю жизнь радовался. Всегда. Я привык. Теперь мне для радости, для привычного, нужна эта чудная разноглазая девица...

К дому я шла очень медленно. Я устала сегодня, вечер на-полз на город незаметно, затемнил улицы, дома превратил в островерхие глыбы, сквозь щели ставен просвечивали огни. За этими стенами жизнь, которая недоступна для меня, дом, мужа и жёны, их дети, старые родственники, все вместе, семьи... У меня самой прошла целая жизнь без семьи. Вне семьи. Но я помню очень хорошо, как это было славно.

Я дошла до своего дома и не удивилась, увидев, отделившуюся от стены высокую фигуру Волка.

– Ты идёшь так поздно, не боишься? – свет от факела, освещающего эту часть улицы, падает на его лицо, чёрная борода, тонкий, немного горбатый нос, он говорил, его мать не из наших мет, может быть, поэтому он сам так мало похож на здешних, светловолосых и светлоглазых.

– Соскучился что ли, Волк? Я устала, мне не до тебя, – сказала я, пытаюсь обойти его и подняться на крыльцо.

Но не тут-то было, он схватил меня за локоть, сжал болезненно. Вечно хватает. При каждой встрече, всегда, получить никак не может вот и хватает, то за руку, то за плечо, то за косу, то лапает, будто в этом находит для себя некое удовлетворение.

– Балуешь? Опять на озеро ходила? Если увидит кто, не я? Вообще ничего не боишься? Прикончат ведь...

– Тебе что за печаль? Избавишься от занозы, наконец, – я попыталась вытянуть руку из его твёрдых пальцев, но он

вцепился клещами. – Пусти уже руку-то, ажно пальцы занемели...

Но он схватил меня и за вторую руку, встряхнул так, что коса плеснула у меня по спине.

– Я был у старосты сегодня, он позволил мне жениться на тебе, – почти рыча, забормотал он мне в лицо. Я отклонилась как можно дальше.

– В который раз? Я не пойду замуж, сколько раз говорила уже?!

– Чем я тебе не муж? Чем я плох тебе? – она опять тряхнул меня.

– Да ничем! Я ни за тебя, ни за кого другого не пойду, я в жёны не готовлюсь ни к кому.

– Что дуришь-то?!.. Цену набиваешь?

Сегодня Волк не удовлетворился только плечами и локтями, взялся платье с плеч тянуть, придавил к стене, больно раздавливая лопатки, сжал груди в ладонях... Но я не впервые в подобном положении, не успел он прижаться наглым ртом к моей шее, или щеке, или попытаться завладеть ртом, как я двинула ему коленкой в пах, несильно. Я не хочу его покалечить, может, женится ещё на какой-нибудь хорошей женщине, мне достаточно было, чтобы он перестал мять меня.

– Ещё достану тебя! – со стоном прошипел он, мне вслед, согнувшись от моего удара, пока я поднималась на наше невысокое крыльцо.

– Да достал, Волчара, теперь уже отстал бы, а? – беззлобно огрызнулась я. Примерно так мы общались с ним почти каждый день.

– Вот дрянь!... – он выпрямился, наконец.

– Да дрянь-дрянь, гуляй!

Глава 3. Лучи солнца осенью так желанны и теплы

Я вышел на озеро сегодня наудачу, я знал уже, что девушку зовут Онега, чем она занимается, где живёт. Она не появлялась на озере несколько дней, сегодня, наконец, пришла. И я опять подстерёг её на берегу. Выйдя на берег, распусшая волосы по ветру, чтобы скорее подсохли, подняв голову, она увидела меня, сидевшего на большом камне, чуть повыше этой её бухты, и усмехнулась:

– Каждый день приходить сюда будешь, Яван?

– Запомнила всё же моё имя, – обрадовался я.

– Не запоминала я. Увидала опять zenки бесстыжие вот и вспомнила, – ответила она, поспешив надеть платье на ещё мокрое тело, платье прилипло и задралось на бедре, я подошёл и одёрнул мягкую ткань, помогая ей.

Она посмотрела на меня, немного бледнее, зрачки шире:

– Не подходи так близко. Чего удумал-то? – не отодвигается, но взглядом отталкивает, в металл отдаёт сразу живая синева.

– Может, пойдёшь за меня, а, Онега? – спросил я, мне хотелось увидеть, обрадуется она или удивится.

Ни то ни другое, она расхохоталась, прыснув и обнажая бесстрашные белые зубы:

– Ну и ну! Что, на других действует, да? Что же не доба-

вил, что ты из ксаев (царский род)? – она хохотала так искренне и весело, так, что я улыбнулся тоже.

– Значит, знаешь, кто я? – всё же интересовалась мной.

– Тоже мне, загадка какая... – продолжила смеяться она, качнув всё ещё мокрыми, но уже завивающимися в локоны волосами. – Только ксаи могут позволить себе носить красные плащи. Да ещё жрецы Солнца. Ты не жрец.

– Онега, я серьёзно...

– Что серьёзно-то? – она расхохоталась свободнее, уже одета, ей легче. – Сколько у тебя жён, Яван? Двадцать? А может, сто?

– И что? Многие берут новых жён...

Она захохотала ещё веселее:

– Ну, ты насмешил, Яван! Ох, не могу! – она, и правда, дохохоталась до слёз. – Вот радостную будущность-то ты мне рисуешь!.. – она согнулась даже, от смеха, мокрые пряди соскользнули вперёд, ткань платья намокла под ними, обозначая грудь и сжавшийся от холодной воды сосок...

Трудно отвести взгляд от её груди и этого соска маленькой бусиной, тем более что я видел его обнажённым, я знаю, какой он формы, какого цвета, я не знаю только...

А она продолжила насмехаться надо мной:

– Ох, нет, Яван Медведь, ты такими речами меня больше не смей!

Я подал ей пояс, совсем простой, верёвицей, совсем простой у неё наряд, и ни одного украшения, даже в волосы лен-

ты не вплетает, простым шнурком завязывает, вон на ладонь намотала, ожидая, пока просохнут. Но уходить не спешила, может, ей всё же со мной приятно?

– Почему ты одна тут? Кто твой отец?

– Я сирота, Яван, – сказала она, опять потеряла косы, проверяя, просохли или нет. И не смеётся больше и, похоже, ей даже грустно...

– Давно?

Она посмотрела мне в глаза, наконец-то без насмешки и высокомерия, как до сих пор:

– Давно... треть моей жизни.

– Что ж ты грустишь тогда так? Не привыкла разве?

Онега села на камень, протёрла ступни от песка:

– Можно привыкнуть?

Волосы завиваются в крупные локоны, высыхая, сворачиваясь в большие длинные спирали и светлея, начиная светиться, будто, не отражая солнечный свет, а производя его, как и её кожа... Красота её удивительна, чем дольше смотришь, тем труднее оторвать взгляд от неё, от её лица, от рук, тонких, долгопалых, их трепетных движений, от ступней, узких изящных, от всего её тела, изнеженно утончённого, гибкого... Как это, обнимать её... от желания у меня жар разлился по животу, к коленям, ударило грудь, разогрело лоб...

– Не холодно в босоножках? – спросил я, глядя на её прелестные покрасневшие ступни, пальчики маленькие, розовые...

– Холодно, – она встала на ноги. – Но я привыкла, иногда зимой без чулок приходилось бегать.

– Ты не торопишься сегодня уходить, значит, я не так противен тебе?

Она посмотрела на меня и улыбнулась уже совсем хорошо:

– Какой же ты противный? Ты красивый человек, и... может, и добрый даже, не пытаешься сразу лапать беззащитную девушку, хотя ты из царского рода скотов и церемониться не привык, надо думать.

– Я насилия не люблю, что бы ты о нас, скотов, не думала.

– Ну и хорошо, – уже как-то равнодушно сказала Онега, не глядя на меня, подхватила несколько раз шнурком почти сухие уже кудри.

Мы вместе пошли вверх, к городу, почти поднявшись, она обернулась

– Ты не ходи за мной больше, и не подглядывай, – уже строго сказала она.

– Ты сказала, я не противен тебе.

– Это не приглашение, я просто не люблю лгать. Ты мне даже нравишься, я таких красивых мужчин... – она посмотрела на меня опять, остановившись, смело, даже нахально разглядывая моё в лицо. Смело, как равная, – я таких красивых... может и видела... да не помню. Но... Яван, это не значит, что я приму твои ухаживания. Не теряй со мной время.

– Для меня это не потеря времени... Я...

Но она перебила меня:

– Не болтай зря. Не надо, чтобы нас видели... Прощай! – она даже руку подняла, прощаясь.

И ушла, не оглядываясь, а я смотрю на её необыкновенные волосы, струящиеся вдоль спины. Она вся будто до краёв наполнена светом. Здесь, где бывают дни без ночи, она будто дочь такого дня. Может быть, она дочь такого бесконечного дня? Только в левом её глазу тёмная синь поздней ночи...

Я остался стоять, в растерянности глядя ей вслед. Такое со мной впервые. Отказаться от неё? Теперь уже не могу. После первой встречи и то не смог, а теперь...

Волк поймал меня в сенях нашего дома. Это дом для помощниц солнечных жрецов. Таких домов на Солнечном дворе всего семь, побольше-поменьше, начинающие помощницы, поварихи, прачки живут по семь-десять, а то и до дюжины в каждой комнате. Мы уже заслужили, каждая, отдельную горницу. Сени тут общие, а комнат вокруг большой печи, что отапливает дом, четыре, для четырёх помощниц. Это хороший надёжный дом, приходилось мне жить в таких ветхих лачугах, когда зимой снег по ночам падал прямо мне на лицо, иней оседал на ресницах и волосах, и я не могла уснуть от того, как замёрзли мои ноги и спина. Тогда ещё я стала приучать себя к холоду. Я даже не простывала и могла босой ходить по снегу, не мучаясь от мороза.

А ещё я привыкла к приставам мужчинам. Не просто к вниманию, а к грубым притязаниям. И тем более к Волку. Но он никогда не позволял себе входить в наш дом, мужчинам не разрешалось сюда вторгаться. Поэтому так странно, что сегодня Волк подстерёг меня здесь. Тем более днём.

– А ну, пусти, не то опять двину! – я ударила его в живот кулаком.

Но это ему – тьфу, там такие мышцы, что мой хоть и крепкий кулачок, как блошинный укус,

– Ишь ты, моду взял! Что не в кузне-то, погонит хозяин...

– Это ты моду-то взяла, кто это увивается за тобой?

Он прижал меня к себе, хорошо, что открылась дверь у Вербы, она специально остановилась и глядит на нас, иначе Волку опять досталось бы от меня.

– Что это такое? Сейчас стражников позову, ты чего тут делаешь, Волк?!

– А ты не встречай! – но он всё же отпустил меня.

За такое вторжение Волка изгонят из города, если мы, правда, позовём ратников. Поэтому он ушёл, побледнев от злости.

Верба усмехнулась, глядя на меня:

– Дала бы ему, что строишься-то? Жалко, что ль?

– Тогда вообще не избавлюсь от него.

– А так, что? Ходит как привязанный. Он тебя придушит когда-нибудь, помани моё слово. Не берёшь, не отпускаешь.

– Чем я его не отпускаю, ты что? – удивилась я её словам. –

Он три года по всему Северу за мной, я от него и бегу из города в город, а он опять находит. Не слышит, не понимает, как помешанный.

– Ну и вышла бы за него. Или что, он бедный? Ты на богатого только позаришься? Сильно высоко ценишь себя, Онежка, – беззлобно сказала Верба. Она вообще очень добрая, от этого, в том числе, с ней и происходят её неприятности...

– Замуж я не пойду ни за кого, богатый-небогатый, власти надо мной никому не дам.

Верба отмахнулась:

– Ох, дура ты! А так каждый со своей властью к тебе лезет, то хоть один был бы.

Меня передёрнуло от мысли, что я вынуждена буду всю жизнь терпеть рядом с собой Волка. Или кого-то ещё. Подчиняться – это не самое худшее, просто видеть какого-то человека всё время рядом с собой, вместе есть, спать, говорить каждый день, чувствовать его запах... О, нет! Что надо чувствовать к человеку, чтобы не взбеситься от этого?!

– Вплетёшь мне в волосы ленты сегодня вечером? – спросила Верба, входя вслед за мной.

Я оглядела свою комнату, мне нравился Ганеш, этот город, расположенный как почти все наши города на берегу большого озера, по берегам которого разбросаны гладкие круглые скалы, местами похожие на загадочные города, только очень маленькие для какого-нибудь крошечного народ-

ца. Местами прямо к воде подходят стволы сосен, которые тонут в этой самой воде весной, во время весеннего половодья и постепенно погибая, падают в воду и просвечивают сквозь прозрачную гладь, тоже напоминая города, но уже подводного царства. Глядя на всю эту загадочную красоту, я не удивляюсь, что так богато выдумывают скоморохи и бродячие певцы-сказочники свои красивые истории о русалках, о леших, кикиморах, повелителях и повелительницах гор и озёр...

Мне вообще нравятся все города, в которых мне довелось жить, и Ледовит на самом краю теперешнего Севера, на берегу Северного океана, и Озёрный, в почти непроходимых болотистых местах, но с такой красотой яркой, кажущейся сказочной зелени лесов, холмов и лугов вокруг, что его изолированность тоже представляется заповедной и волшебной.

Но Ганеш мне нравился особенно. И люди здесь были добрыми и простодушными как нигде, весёлыми и жизнерадостными, даже праздники здесь проходили веселее, чем где бы то ни было. Может быть, потому что он был самым южным, самым тёплым из всех городов Севера, к нему единственному не подошли вплотную ледники.

Даже дома здесь, в Ганеше были вроде просторнее и светлее, чем везде... Может быть, поэтому мне нравилась и эта комната, самая большая в этом доме, но и самая холодная, по правде сказать. Не хочется уезжать отсюда снова, убегая от Волка. И почему он не может понять и оставить меня...

Может быть, если он будет думать, что у меня есть любовник, это остудит его, наконец?..

– Ты куда собралась-то вечером? – спросила я Вербу, когда вечером с удовольствием разбирала на пряди её пышные тёмно-русые волосы.

Она была идеально красивая: кошачьи ярко-зелёные глаза под вытянутыми к вискам тёмными дугами бровей, маленький носик, улыбчивые полные губы, а какое прекрасное у неё тело: полные груди, стройная талия, гладкая, немного смуглая кожа, она легко загорает летом.

Как мне жаль, что она так относится к себе... хотя, нам только два пути и остаётся: или как Верба подстилаться, в надежде, что кто-то всё же возьмёт в жёны и будет заботиться, и защищать, или как я, надеяться только на себя. Что труднее? По мне, так Вербина дорога – настоящий ад...

– Прошлогодний мой приехал, ты в том году не застала его... – сказала Верба, пока я вплетала ей в волосы ленты и гроздья рябины, цветы в это время года найти мудрено, листьев на деревьях и то уже нет...

– Ты капли возьми, хотя бы, не допускай, как в прошлый год... – я напомнила, как пришлось ей тогда изгонять плод уехавшего кавалера, и как долго она болела после.

– Да ладно, может, женится, если рожу ему?

– Сначала пусть возьмёт в жёны, тогда и родишь, Верба!

– Может, припугну...

Но напугалась я. Напугалась её глупости:

– Да ты что?! Ты кого пугать хочешь? Шею свернёт тебе и дело с концом! С мужчинами это не проходит, они сильнее, нам приходится быть умнее.

Верба вздохнула, понурившись, разглядывает уже готовую косу:

– Вот мы ровесницы с тобой, а мне всё кажется, ты моя старшая сестра... – она посмотрела на меня через плечо, скоро я закончу со второй косой. – Я же сирота, вот, как и ты... С двенадцати лет. С двенадцати лет... – проговорила она, совсем тяжко. – Отец меня выгнал, потому что... А-а, не важно, почему, выгнал. Из города, даже имени лишил, запретил вспоминать, кто я, кто он...

– Кто он?

– Он... какая теперь разница, его уже нет в живых. И мама тоже, ещё раньше... Не осталось никого. Вот я и... А что оставалось? Все лезут... Только успевай опрокидываться...

– И опрокидывалась? – спросила я, хотя ответ и так знаю.

– А что делать? – легко вздохнув, сказала Верба, поднимаясь, подходя к зеркалу. – Все лезут... Надоело синяки бодягой мазать. Так проще. Да и... И серебро стало водиться, золото... Только с вами, со жрецами Солнца вот, поменьше стали лезть, хотя бы в этот дом им ходу нет, захочу, пойду... Ненавижу их... – сказала Верба, оглядывая себя сразу в двух зеркалах. Красота-то, Онежка, спасибо!

– Кого ты ненавидишь? – удивилась я, совсем понимая.

– Их всех, мужчин... – без запинки ответила Верба. – Весь

их поганый род. Но... Прикинешься, что тебе всё это в радость, он и доволен, подарки дарит.

– Зачем, Верба?! – изумилась я. – Если ты так... почему ты замуж тогда хочешь? Зачем тебе замуж?

– А что же мне всю жизнь до старости болезных облизывать? Это ты сама как жрец...

– Ш-ш-ш! – я сделала страшные глаза. – Верба, с ума сошла?! Пожалей меня!

Она обернулась на меня, поняла, что этими словами может подвести меня перед теми, кто держит меня как обычную помощницу, конкуренции во мне не потерпят, объявят ведьмой или демоном и конец мне...

Я всю ночь не спала и размышляла о том, о чём мы говорили с Вербой. Удивительно, как похожи и различны наши судьбы... Но, похоже, Верба так и осталась двенадцатилетней, а мне пришлось повзрослеть за несколько дней, в тот момент, когда я оказалась одна, совсем одна в этом мире.

Вначале я попала к кружевницам, затем к вышивальщицам, но для меня это оказалась адская работа. Кропотливо изо дня в день выкладывать стежок к стежку или узелок к узелку – меня эта кропотливость сводила с ума. А отсутствие старательности в этом деле наказывали и весьма жестоко, оставляли без еды, пороли, просто навешивали тумачков, подзатыльников, щипков, сажали в сарай на ночь. Однако и этот опыт не остался бесполезен, я научилась терпению и молчанию, которых мне не хватало от природы, слыш-

ком горячая мне досталась кровь, поняла я это значительно позднее. Эта пытка для меня продолжалась полтора года.

Тогда я и вспомнила о своих способностях и постаралась прибиться к жрецам Солнца. Только тогда мне стало легче жить. И тут мне очень помогло моё приобретённое умение держать при себе свои мысли и чувства. Теперь, при жрецах Солнца, в среде, в которой мне было привычнее и интереснее существовать, мне очень помогло это моё глубокомысленное новое смирение.

Но только в том, что касалось моих дневных занятий. А по ночам... Бог Солнца, Богиня Луны! Сколько же мне пришлось отбить бесстыдных притязаний! Мало было вокруг меня тех, кто не считал бы, что он вправе воспользоваться мной для удовлетворения похоти.

Девушка вне дома, вне семьи – это как вывеска на лбу. Такие как я, одинокие, оказывались, в лучшем случае, в наложницах пришедших скотов, а первое нашествие стало адским испытанием для всех и гибелью всей верхушки Великого Севера, для нас же, тех, кто жил внизу – это значило или бесконечное и разнообразное насилие со стороны захватчиков и попытки приспособиться к новому существованию.

Мои попытки начались с того, что я старалась не попадаться на глаза, почти не выходя на улицу, это было возможно в стенах большого храма в дальнем Ледовите, самом северном городе нашего царства, где солнце не заходит по полгода и зимой по полгода не восходит, на берегу Северного

океана.

Вновь пришедшие скелоты, изгнавшие Колоксая и его приспешников, при поддержке части высших ратников, избежавших участия большинства нашей знати, не были такими дикарями, как первые захватчики, или им не пришлось преодолевать, уже сломленное до них сопротивление Великого Севера, но они уже не вели себя, как первые, количество изнасилованных и убитых уменьшилось значительно, я, кто лечила и помогала несчастным, знаю это как никто.

Поэтому, хотя скелотов всё же продолжали ненавидеть внутри нашего Северного народа и воспринимать как чужаков, но, приведенные Великсаем, старались влиться внутрь нашего народа, а не изломать его под себя, как скелоты Колоксая. И чем дальше, тем всё лучше это получается.

Но нашествие скелотов только добавило сложностей для меня, а не стало главной моей катастрофой, такой, какой была потеря дома и семьи. Станет тебя насиловать и бить скелот или северянин, в конечном итоге, не важно.

Я сошла бы с ума, или умерла, если бы стала «опрокидываться», как Верба. И как я была благодарна, что когда-то воспитывали меня и как мальчика: учили и драться в рукопашной, и пользоваться акинаком, и кинжалом, стрелять из лука, и бегать так, чтобы меня не догнали.

Сколько я стесала скул, разбила носов и выбила зубов, отрубила наглых рук. А кое-кого и убила, спасаясь и от бесчестья и от смерти... А ещё, я научилась прятаться, чувство-

вать взгляды спиной, буквально читать мысли, даже не глядя в глаза, даже не видя, и оценивать безошибочно угрозы. Я не доверяю мужчинам, но я не доверяю никому, но не ненавижу мужчин, как Верба, мне хватало ума сообразить, что в моих несчастьях не виноваты все, они привыкли поступать так, как пытались поступать со мной, просто мне не надо было оказываться там, где я оказалась. И всё же во мне нет убеждения, что все вокруг мерзавцы, что любого устроит насилие. Я знаю, что есть добрые мужья и сыновья, и даже любящие. Я много видела таких семей.

Я помогала многим женщинам разрешиться от бремени и видела славных любящих мужей. Любящих матерей и отцов. Я видела так много разных людей, что могла оценить, что хорошего в людях всё же больше, чем дурного. Просто дурное так сильно смердит, что становится заметнее, чем хорошее.

Однако Верба себя ненавидит, вовсе не мужчин, вот что... Мне так жаль её. Бедная-бедная моя, ни к чему хорошему она не придёт с этим. Ненависть и отвращение разрушает вернее, чем всё, что нападает извне, потому что разъедает изнутри, растворяя и превращая в гниющую жижу всё живое в душе того, кто впускает ненависть.

Хотя некоторым ненависть придаёт сил. Но не похоже, что это относится к Вербе... Пить ещё возьмётся, скелеты пить умеют, а в наших землях такой способ дурмана никогда особенно популярен не был, куда больше здесь любят травиться настоями разнообразных ядов, сваренных из соответствен-

ных грибов, трав и ягод. Этим очень успешно торгуют низшие слои жрецов Солнца, владеющие искусством приготовления дурманов, используемых как лекарства. Но, особенно, Лунные дворы. Ужасно, что я почти ничем не могу помочь Вербе, она так убеждена, что её путь единственно возможный, что и слушать меня не хочет.

На другой день, сразу после полуденного обряда, жрец отправил меня к раненому, сказав, что это срочно, что остальные могут и подождать или к ним сходят другие.

Я подошла к большому дому с высоким, украшенным богатой резьбой, крыльцом, морским конями на коньках крыши. Здесь живёт староста города, кажется, или его гости, у его терема на дворе несколько построек. Кто же тут ранен?

Я со своей корзинкой, где лежали у меня склянки с лекарствами, инструменты и бинты, поднялась на крыльцо. Мне открыли, даже стучать не пришлось, очевидно, увидели в окно:

– Из лекарских? Заходи, – я прошла под высокие своды терема и изнутри украшенного резьбой, со стенами, выкрашенными белилами внутри. Только не хватает красных или золотых сводов, и почти царский терем будет. Горниц меньше, только и всего, а так, и ковры на полу и лавки и столы изукрашены богато, в окнах резные столбцы, изящные балясины на лестницах внутри и снаружи. И богатая, яркая роспись. Хороший богатый дом.

Меня провели в одну из горниц, открыли красивую дверь,

украшенную, как и некоторые другие, резьбой с алатырями, вставками из самоцветных камней, тоже, очевидно, ведущие в покой хозяев или гостей, и что я увидела?! На высоком стуле сидел Яван, поставив правую ногу на низкую скамеечку с красной подушкой с нашитыми на неё кисточками. Нога его накрыта большим вязаным платком...

– Так это... – я остановилась, – это ты, значит, раненый?

Он развёл руками, улыбаясь, похоже, чрезвычайно довольный собой:

– Что же делать, и я могу подвернуть ногу.

Дверь за мной закрылась, клацнув железными петлями и скобами. В простых домах деревянные, не бренчат, но изнашиваются быстро.

– Уверен?

– Сама посмотри.

Я поставила на пол свою корзинку, а сама села на вторую скамеечку у его ног.

Я смотрел на неё. В этом тёмном платье, волосы под платком, только несколько прядок выбиваются пологими спиральками на висках. Тёмная ткань платья ещё подчёркивает ясную белизну её кожи. Какая всё же удивительная красота... Я смотрел на её шею, так хорошо видную мне в вырезе платья, сейчас поймёт, что у меня всё в порядке с ногой, что будет делать? Ругаться будет...

Я дошёл до того, что вижу её во сне... Никогда ни одна женщина не приходила ко мне во сне, даже в юности... Мо-

жет это то, о чём любит петь Лай Дон, то есть, я влюбился? Когда я об этом подумал в первый раз, мне показалось это смешным. Даже это слово. Я его не знаю...

Я, кто имел любых женщин на все стороны света, любых, кто хотя бы приглянулся мне, мне не было отказа никогда. И уж, конечно, ни одна не смела говорить со мной так дерзко и тем более смеяться надо мной. Я влюбился?!

Похоже, Онегу делает неотразимой именно это – она ведёт себя наравне со мной. Будто я ни старше, ни выше, ни свободнее её. И это мне... удивительно. Удивительно...

Я протянул руку к ней, едва коснулся пальцем кожи на её щеке, как она, не отпрянула, нет, но отодвинулась и, подняв глаза на меня, сказала, сверкнув сердито тёмным глазом, светлый... светлый же, не был холоден так, как всегда:

– Шутки шутишь? Бог не любит таких шуток, берегись.

А потом встала на ноги, усмехаясь и добавила:

– Влюбился что ль? – и прыснула отвернувшись. – Ох, вот попала я в переплёт... Ну, ты не огорчайся, Яван Медведь, влюбляться – оно полезно, – и ну, хохотать, наклоняясь, чтобы взять корзинку со снадобьями и приспособами для врачевания.

Я быстро поднялся, ничего, что одна нога босая, я и на улицу за ней не постыдился бы так побежать... Не постыдился бы! Чтобы все во дворе, на улице смеялись надо мной, братом царя. Даже куры с гусями. Что со мной происходит?..

– погоди, не сердись, значит? – проговорил я, почти

беспомощно разводя руками.

– Чё ж сердиться? – улыбнулась она, щуря длинные лучистые ресницы, глядя на меня. – Ты вон помолодел даже. И так, конечно, молодой ещё, но... ещё лучше стал. Полезно влюбляться. Особенно, таким как ты.

– Каким это? Каким это «таким»? – удивился я.

– Вот таким, спокойным, сытым, – и смеётся опять, направляясь к двери.

– Онега, погоди! – я хотел преградить ей путь.

– Осторожней, ещё сниться начну!

– Так уже!

Опять хохочет.

– Погоди же! – опять попытался я.

– Чего годить-то? Меня настоящие больные люди ждут, не такие как ты играли!

– Погуляй со мной хотя бы? Утром завтра, вечером же не пойдёшь.

– Так я и утром не пойду! – аж захлебнулась от смеха. – Прощай, Медведushко! Ты мне сильно нравишься, потому и не пойду. И больше не выдумывай, не таскайся за мной и таких штук тоже не устраивай. Мне-то на что влюбляться в тебя? Тебе – полезно, будоражит кровь, оживляет холодное, медленное твоё сердце, а мне – опасно.

Я уже у двери поймал её:

– Опасно? Разве я опасный?

– Почти смертельно! – дрогнули красиво вырезанные тон-

кие ноздри.

Вот это, да, так я ей небезразличен? Она оттолкнула меня легонько, лицо уже совсем серьёзное: – Пусти, давай, не то врежу!

Я отступил, пропуская её. Я сам приду к её дому утром... Не могу я упустить тебя, Онега, нет, не могу уже упустить...

Я вправду взволновалась в эту встречу. И такое в первый раз в моей жизни. Я разволновалась не от его слов, не из-за неуклюжей попытки приблизиться снова, но от света, который вдруг полился из его глаз. Из-за того, что он босой шёл за мной, и на улицу бы так выбежал, не оборви я его на полуслове... Опасно... Опасно... нет-нет, ни к чему...

Но так тепло вдруг стало внутри. Как никогда ещё не было. Будто в тундре, наконец, наступает весна, вышло солнце, согревая землю... только, что тундра будет делать с этой весной? Вдруг сожжёт её пожаром?..

Я увидел Онегу, на внутренней лестнице нашего терема, где мы живём с Яваном, в этот наш приезд в Ганеш. Я окликнул её, я её не видел несколько дней, пропуская по утрам, как она выходила с Солнечного двора, я в течение дня не мог её найти. И вот она в нашем доме.

Она обернулась:

– Лай-Дон? ты... ах, да! Ну что, пойдёшь со мной дальше по домам? Или того раза хватило? – улыбнулась, хотя я ви-

жу, она не такая спокойная как в прошлый раз. Что-то изменилось, что-то, чего я не могу уловить...

– Идём! – обрадовался я, забирая увесистую корзину у неё из рук.

Глава 4. Царица

Как мне нравится эта необыкновенная северная страна! Мне нравится и прозрачная, будто хрустальная природа, трава тонкая и такая нежно-зелёная, какой никогда не бывает почему-то на юге. Прозрачные светлые леса, из сосен и берёз, полные птиц и зверья. Широкие равнины, но не наши степи, а холмистые, поросшие обильными травами, с возвышающимися глыбами скал.

Цветы, аромат которых сладок как нигде, как не бывает в степях на юге, где моя мать, прекрасная золотоволосая царица Яна, родила меня в самый жаркий месяц лета. Обильные реки и полноводные озёра, полные рыбы, уток, гусей, журавлей и другой водной и полуводной живности.

Зимы здесь суровы морозами, так же как и там, где я рос, но куда мягче ветры, и снегопады похожи на благословение Небес, а не на проклятие, как наши, секущие кожу и коней степные метели. Дни зимой становятся так коротки, а ночи так длинные, что как нигде располагает, к размышлениям, к учению, и к любовным ласкам.

Здесьние озёра прозрачны так, что дно видно даже на глубине, когда смотришь с лодки, скользящей по их глади. И можно видеть рыб, спокойно стоящими кружащих в толще удивительно прозрачной воды. И я думаю, можно увидеть даже русалок...

Воды лесных озёр похожи на глаза моих любимых добрых жён – светло– коричневые, от того, что годами настаиваются на опавшей листве. Рек, озёр, родников и ручьёв здесь столько, что становится понятно, где вся вода, которой так недостаёт на юге, откуда пришли мы. И дожди здесь обильны и часты, что тоже нравится мне. Даже обширные местные болота с поросшей ярко-зелёной травой, камышами и осокой удивительно красивы. А лягушки, поющие в них вначале лета, кажутся мне радостным благозвучием.

А уж побережье Северного океана... Этот бескрайний водный простор, эти каменистые голые берега, разглаженные тысячелетними объятиями страстных морских вод, эти длинные спокойные волны... Когда приближается зима, вода становится густой как кисель или кислое молоко, ещё чуть ближе к зиме, уже под первыми снежинками, появляются многослойные круглые сине-белые блины, мерно покачивающиеся в медленных густых водах...

И голые скалы, огромные округлые валуны прибрежных гор, эти серые камни, представляющиеся мне величественными и красивыми в отличие от моих соплеменников, не способных оценить их «голую» строгую, загадочную красоту...

Но мне, царевичу, не положено сознаваться в том, что я, как какой-нибудь поэт-сказитель, могу быть влюблённым. Да ещё в чужую страну. И мне всё время кажется, что, когда мы пришли сюда четыре года назад, я вернулся домой. Мне это

кажется каждый день и ночь.

И города здешние не поражают моего воображения, как воображения моих собратьев, они мне кажутся знакомыми, будто я жил среди этих высоких срубов многие годы. Даже узоры на платьях местных красавиц мне кажутся родными.

Когда-то, в моём детстве я слышал много удивительных и даже страшных сказок о необыкновенной стране, лежащей на северной околичности земли, но защищённой от притязаний льдов самим Солнцем, которому подчиняются даже ветра, что обходят благословенную страну. Рассказывали, что люди, населяющие её живут так долго, сколько захотят и умирают, уставая и вкусив всех радостей жизни. Что цари их неуязвимы, а жрецы Солнца могут летать, возрождать к жизни, противостоять любому врагу, защищая свой народ. Что сам Бог приходит и говорит с ними. Никто и никогда не помышлял завоевать эту великую страну, Великий Север, даже не мечтал об этом. Победить Великий Север было нельзя...

Может быть, в одной из моих прежних жизней, я был жителем Великого Севера? Хотя прадеды моих родителей вышли как раз отсюда, может быть, в этом дело? Память крови?..

И только после того, как Колоксай, которому не нашлось места в бескрайних степях сколотов решился всё же на длительный и, как всем казалось обречённый на провал переход к Великому Северу и непостижимым образом сумел победить его и стать царём здесь, всем стало ясно, что легенды

только и защищали эту самую богатую и загадочную страну...

После того, как умерла моя мать, я повзрослел в одну ночь. Конечно, склоту положено с трёх лет сидеть в седле, стрелять из лука, и начинать орудовать акинаком, я всё это делал с редким даже среди моих соплеменников искусством. Но по-настоящему взрослым, то есть тем, кто уже должен сам отвечать за свою жизнь, я стал, когда потерял мать.

Странно, потому что я не считал себя маменькиным сынком. Но личность моей матери, её положение среди скотов, её значение для всех, с этим не могла сравниться даже власть царя, моего отца Великая. Хотя он великий царь, великий воин, присоединивший много новых земель к нашим, пополнивший золотом казну и кошельки воинов.

Может быть дело в том, что отец любил мою мать, она была единственной его женой, его единственной любовью. Любовь, уже превращающейся в легенду скотов.

У меня не было ни сестёр, ни братьев. Это не значит, что у моих родителей не было больше детей, просто все они умирали так быстро после рождения, что я не успевал даже привыкнуть к тому, что у меня появился брат или сестра. Мать и умерла очередными родами...

Вот так я и остался единственным наследником моего отца, потому что больше отец не брал себе жён.

В отличие от меня. Я не наделён великим даром любви, какой был ниспослан моим родителям. Поэтому у меня мно-

жество жён, и очень много детей. Что лучше? Я думаю, моя жизнь куда счастливее, чем у моего отца, который все эти годы, что проходят после смерти матери, кажется, ни разу не улыбнулся по-настоящему радостно.

И даже поход этот на Север против Колоксай затеял только ради того, чтобы развеять свою чёрную тоску и уйти из тех мест, где всё напоминает об ушедшей навсегда жене. Думаю, не будь мой отец царём, или будь я постарше в тот день, чтобы он спокойно оставил свой народ, он сжёг бы себя вместе с матерью, взойдя на её погребальный костёр. Но иногда мне кажется, что он всё же сгорел в нём...

Но зато благодаря этому мы теперь здесь, на Севере, где я чувствую себя, будто прильнувшим к животворному роднику... С самого детства я слышу о том, что Великий Север — это страна золота. Все легенды об этой стране содержат это, даже не то, что содержат, полны золота, только о нём и речь: золотая кровь в жилах здешних царей, дети солнца, пещеры, полные золота и тому подобное.

Конечно, столько золота, как здесь мы не видели нигде, конечно, Колоксай и его войско пограбили, как следует, и то золото растворилось давно, но его должно быть больше, намного больше, потому что до сих пор в царском тереме, у Верховного жреца Солнца посуда сплошь из золота, даже мебель и двери в царском и Солнечном тереме отделаны золотом. Отдельные предметы посуды, оружия и украшений попадались и у простых людей, ясно, что этого должно было

быть много. И потом, что это за пещеры? Где они?

С этим вопросом я обратился к Белогору, с которым мы очень сблизились. Я не встречал среди скелетов таких людей, как Белогор, такой кладезь знаний, такой характер. Только один раз он проявил что-то похожее на слабость, когда рассказывал о судьбе погибшей династии.

О, в этом мне легко его понять, мне тоже стало жаль девочку-царевну, которую так подло предали люди, которые обязаны были оберегать её, её брат, а за ним и отец.

Но мы с Белогором больше не обсуждали это ни разу, я видел, что ему было непросто об этом вспоминать. Он стал мне другом за эти четыре года, с тех пор как эти земли стали нашими. Других друзей, у меня не было. Я был близок с моим дядей Яваном, младшим братом отца, но то было другое – с Яваном мы похожи во многом, и я помню его всю мою жизнь, я рос рядом с ним, даже разницы в возрасте никогда не замечал.

Но с Белогором мы были скорее противоположности. Но, может быть, именно поэтому он был мне так интересен? Тем более что он не испытывал священного трепета при мне, как все прочие. То обстоятельство, что я царевич и наследник, скорее позволило ему снизойти ко мне, его царственность я чувствовал во всём, хотя, кажется, он ничем её не выпячивал.

Вот я и позвал его, верховного жреца Солнца, на прогулку верхом, где я хотел обсудить с ним вопрос, который так

волнует меня, и ответ на который, если кто-нибудь и знает, то только он.

– Я ждал, когда ты спросишь, царевич, – улыбнулся Белогор, когда мы, оторвавшись от сопровождавшей нас кавалькады, подравняли шаг наших коней и ехали рядом, едва не соприкасаясь коленями. – Долго размышлял, прежде чем пришёл ко мне? – он посмотрел на меня, его глаза, светло-зелёные сегодня, становящиеся временами голубыми или серыми, как я заметил, посверкивали в солнечных лучах.

– Недолго, – сказал я. – Скучно стало, я начал размышлять. Зима скоро, как всё подмёрзнет, на охоту станем выезжать. Поедешь?

– Мне нельзя на охоту, – Белогор качнул головой, его длинные светло-русые волосы, тщательно расчёсанные на пробор, качнулись поверх плаща, струясь из-под шапки на его плечи и спину.

Сегодня он одет скромно для этой прогулки, он вообще не щёголь, должно быть ему достаточно богатых одеяний, которые он надевает во время ежедневных молений и празднований Дней Солнца и особенных Солнечных праздников четыре раза в год. Так что сегодня на нём лишь коричневый кафтан и штаны из мягкой матовой кожи, такая же коричневая куртка из овечьих шкур, вывернутых мехом внутрь, сегодня холодно, хотя и солнечно.

– И жениться нельзя? – засмеялся я.

Белогор усмехнулся, отворачиваясь:

– Тебя слишком волнует этот вопрос, Орик, у тебя самого чересчур много жён. Это сгубило последнего царя Велико-го Севера, всю династию и в итоге – царство Северян стало провинцией скелотов.

– Ну, не провинцией, хватил ты... – не согласился я. Какая же Великий Север провинция?!

– Ладно, Орик. Тебе должно разобраться с твоими наследниками.

– Я ещё даже не царь...

Белогор опять посмотрел на меня уже без улыбки:

– Ты будешь молодым царём, – сказал он, и глаза сверкнули.

– Не о том сейчас разговор, Белогор...

– А если как раз о том, – он смотрит на меня серьёзно, так, как ещё ни разу не смотрел, – тебе нужна царица, Орик. Ты не сможешь взойти на престол, если не найдёшь женщину, с которой заключишь брак.

– Разве сложно выбрать женщину для этого? – удивился я.

– Нет, Орик. Не просто женщину, – упрямо повторил Белогор, – царицу. Царицу. Не понимаешь? Настоящую царицу. Женщину царской крови. Северной крови. Только так ты сможешь стать царём этой земли.

– Но мой отец...

Белогор покачал головой:

– Он захватчик. Ты станешь настоящим царём, – он сейчас смотрел так, что я понял, что это означает что-то ещё

более важное, чем просто воцарение наследника.

– Какое это имеет отношение к тому, о чём я спросил тебя? – я начал смутно догадываться к чему он повернул разговор от золотых пещер на женитьбу, восшествие на престол и прочее.

Белогор улыбнулся:

– Ты ещё не понял?

– Что? Что, без царицы не...

– Я расскажу тебе, – Белогор поддёрнул поводья своего серого жеребца, замедлившего ход. – Солнце совершает девятнадцатилетний цикл, возвращаясь на нашу землю, тогда солнечные силы, солнечная кровь выходит из земли. Раз в девятнадцать лет открываются золотые пещеры, в которые нет хода смертным, нет хода тем, кто не имеет золотой царской крови. В последний раз они открывались семнадцать лет назад. Через два года откроются вновь, но только при условии, что кто-то царской крови будет участвовать в обряде.

– Не понимаю, ты ведь царской крови... – я, правда, не понимаю.

Но он покачал головой:

– Слишком мало. Нужна женщина. Должно быть двое. Понимаешь? Мужчина и женщина. Одного меня не хватит, только моей силы не хватит. Всё происходит через женщину. Сама жизнь в мир приходит через женщину. Как через землю. Семя в землю. Солнечные лучи, благодатная влага дождей льются с неба. Но ростки восходят из земли – он

посмотрел на меня, будто я ученик, а он учитель. – Пони-
маешь теперь? И если ты хочешь открыть пещеры, если хо-
чешь стать настоящим царём этих земель, найди женщину
царской крови и возьми её в царицы.

Ну и ну! «Возьми»... Где ж я её возьму-то?!

– Ты говорил, у последнего царя было полным полно
ублюдков, подумав, вспомнил я. – Остался же кто-нибудь?

– Я не следил за их передвижениями, – ответил Белогор,
немного высокомерно в своей обычной манере. – Но, думаю,
если ты захочешь, сможешь найти его дочерей. У тебя есть
два года.

Вот такую задачку для развлечения задал мне Белогор.

Я ждал этого разговора несколько лет. Я думал, кто же за-
говорит со мной об этом? Кому быть следующим царём Ве-
ликого Севера? Великсай ли опомнится от своей тоски, что
душит его после безвременной смерти любимой жены. Яван,
умный, проницательный и вполне способный стать достой-
ным царём. Или жадный до жизни, до знаний, для всего но-
вого и всего старого, но не забытого и не отжившего, царе-
вич. В ком первом заговорят здешние предки. В ком сильнее
золотая кровь, разбавленная сотнями поколений потомков.
Чей ум открыт, и чья душа способна принять то, что я могу
дать.

Я рад, что Орик первым пришёл ко мне с этим разгово-
ром. Ещё есть время. И он, если захочет, найдёт ту, кто ста-

нет ему царицей и сможет открыть эти самые пещеры.

Мне это золото ни к чему. Почестей и славы, и, тем более, богатства, на мой век достанет. Я не к тому стремлюсь. В мою бытность пещеры открывались, когда был ещё подростком. Я не участвовал в том обряде, я не был ещё посвящён тогда, это только должно было произойти в те дни, мне тогда было тринадцать, я, будущий жрец, в то время уже несколько лет учился, меня решено было посвятить Богу Солнца почти с рождения, верховный жрец сам избрал меня, как и ещё нескольких мальчиков, моих ровесников. И в тот день я присутствовал среди других таких же, как я, будущих жрецов и нескольких человек из царской семьи, и помню, какое по-настоящему захватывающее это было зрелище. Но не в зрелище, разумеется дело.

Тысячи людей собрались тогда на Солнечном холме, что на самой северной околичности Великого Севера и мысом смотрит в океан. Значение происходившего действия преувеличить сложно. Что мы, наблюдавшие в сотне шагов от границы каменной спирали, раскрыть которую может только верховный жрец и женщина царской крови, то была царица Веда, мать годовалой тогда Авиллы. Авилла, малышка, тоже присутствовала при обряде. Удивительно, но такой маленький ребёнок, она молчала всё время обряда, на руках мамки, державшей её.

Я помню Авиллу с её рождения, мы были сужеными невестой и женихом с того дня как она родилась. Она должна бы-

ла стать царицей, я – её мужем и Верховным жрецом, наилучшее сочетание. Мы были бы счастливы, потому что я всегда любил её. А она любила меня. Ей нравилось проводить время в моём обществе ещё маленькой, мне нравилась эта на редкость сообразительная спокойная девочка. Глаза её светились умом, она рано стала понимать мои речи, заинтересованно слушая мои рассказы, я читал ей книги вслух, так мне было легче запоминать, а она сидела со мной и слушала, не перебивая.

А ещё, очень рано стала способна понимать весёлые шутки и смеяться вместе со мной. И всё это нравилось мне в ней даже больше того, что она открывает мне путь к высшей власти, больше всех радужных перспектив нашего с ней общего будущего. Она была мила моему сердцу. И даже более: я был привязан к ней как ни к кому больше. Обещанная мне, она всегда была рядом. В моей жизни, в моих мыслях. И я был рядом с ней. Я был сиротой, сколько себя помню, она – нет, но она была одинока в своей семье, и только один я знал об этом.

То, что произошло, что сделал Дамагой, было так неожиданно и чудовищно, что потрясло меня до самых глубин моей души. Я не смог почувствовать и предвидеть это и защитить её, потому что не думал, что такое злодеяние возможно. Тем более что совершить его может мой ближайший друг. Это разрушило мой мир. Я окончательно повзрослел в тот день.

Я считал, что понимаю их отношения, ведь я был ближе всех. Мне казалось, я всё знаю. Я не знал до самого последнего, что Дамагой так ненавидит Авиллу. Я понимал, что он ревнует и злится, он и не скрывал этого. Особенно, когда она только родилась, а его отодвинули с места наследника. Но разве он не имел права злиться? И тогда он был подростком, прощительно было так себя вести. Я его понимал, но был уверен, что с годами злость утихла, тем более что они стали дружны с Авой, так мы звали Авиллу в ближнем кругу.

Аву, я не обвинял в произошедшем, я догадывался, как Дамагой совратил её. Она всегда страдала от того, что её «любимый братец», как она называла его, страдает из-за неё и всеми способами старалась загладить свою несуществующую вину. Загладила, выходит, ценой, возможно, даже своей жизни...

И всё же я надеялся, что Авилла жива. И надеялся, что Орик найдёт её. Кто ещё, если не он, будущий царь Великого Севера, должен вернуть царевну?

Я знаю, что Орик будет царём ещё до истечения тех двух лет, что должны пройти до открытия древних пещер. Великсай, его отец, живёт через силу уже несколько лет, ему осталось недолго, смерть-избавительница вскоре придёт за ним. И Орик не сможет стать царём без Авиллы.

Я верну Авиллу на то место, которое ей принадлежит по рождению. И пусть она не будет моей женой, что же, я уже привык жить без жены. Женщины, к счастью, не слишком

большая моя слабость, я могу подолгу обходиться без этой радости. Но Ава... я чувствую свою вину перед ней, что не углядел опасности от Дамагой, что не распознал тяжких испытаний, которые готовит ей судьба, а ведь это моя обязанность как далегляда-провидца.

Я не удосужился даже попытаться заглянуть в будущее. Я был так уверен в предсказанном мне величии, что не утруждался проводить утомительные обряды провидения будущего моей невесты.

Что ж, своё величие я получил и не утрачиваю даже несмотря на то, что при мне скоро сменится уже третий царь. Впрочем, четыре – это последнее число, что я видел. Пятого царя мне не увидеть. Хотя, учитывая, что Орик на одиннадцать лет моложе меня, меня не пугает эта перспектива...

Я помогу ему открыть золото, стать настоящим царём, чем бы это не закончилось. Да и... Я просто скучаю по ней. Ава – и моя боль, и стыд. Её предали все, кто должен был защищать и оберегать: отец, брат и я, жених, тем, что был глуп и недалёковиден.

Какой ты стала теперь, Ава? Я знаю, что ты жива, как ни были уверены все жрецы, что ты умерла. Что бы ни сделал с тобой Дамагой, что бы ни было после, я должен вернуть тебя в Солнцеград.

Часть 2

Глава 1. Солнечная осень

Я подстерегал Онегу утром возле ворот территории Солнечного двора, на котором, кроме большой деревянной статуи Бога Солнце, сделанной из цельного ствола огромной сосны весьма схематично, и давно потемневшей от времени, было несколько теремов, населённых несколькими жрецами и множеством человек челяди, хозяйственные постройки и несколько скромных домиков, где обитали такие же, как Онега помощницы.

Я предусмотрительно не надел обычного красного плаща, чтобы не привлекать внимания, не к себе, но к Онеге, я понимаю, что ни к чему всему городу обозначать, что я бегаю за ней. Для неё. На Солнечных дворах не приветствуются отношения с мужчинами. Эти девушки предназначены для Бога Солнца, не для смертных. Вербя тоже из этих помощниц, она старается тщательно скрывать нашу связь от всех.

Вчера и позавчера я упустил Онегу утром, сегодня мне пришлось встать до рассвета, чтобы всё же застать её.

Я долго ждал за воротами, видел весь большой двор через неглухой забор, огни факелов освещали его, занимающийся рассвет осветил их огни. Никто не появлялся во дворе, кро-

ме двух вилявших хвостами псов, сначала чёрного, за ним рыжего с одним висячим ухом, не спеша прошедших из одного конца в другой. Ещё до первых петухов появилась зевающая кадушкообразная женщина, на ходу запахивающая овчинную тужурку.

Глядя на то, как она зябко ёжится, я и сам почувствовал, что замёрз в этом утреннем промозглом воздухе. Надо же, это впервые со мной. Я мёрз и не раз, во время зимних переходов нашего войска. Когда вставал до рассвета на охоту, ещё, когда мы ехали по мёрзлой степи, когда передвигались сюда, на Великий Север, по замыслу Великая выбрав самое глухое время года, чтобы выбить Колоксия отсюда. И расчет моего брата, как и всегда, оказался верен. Но я ни разу в жизни не терпел каких-либо неудобств из-за женщин. Я даже не понимаю, какого дьявола я терплю это сегодня, этот сырой холод, пропитавший уже всю мою одежду, включая даже мою нижнюю рубашку, я уже кожей чувствую всюду проникающую сырость. Даже под шапкой. Ещё простыну здесь... хо! Но тогда я смогу настоять, чтобы она ходила за мной... Хотя нет, мне не улыбается валяться больным с простуженным горлом и в испарине при ней – не слишком завлекательный кавалер из большого...

Бог Папай, ты видишь, я думаю о том, привлекателен ли я? Ты, что со мной сделал? Что за напасть наслал на меня?! Или это ты, всемогущая Богиня Любви? За что? Я провинился? Я приносил вам скудные жертвы?..

Где-то рядом в стойле замычала корова протяжно, по утреннему, вот-вот её на выгон, сейчас подоят, и пойдёт комолая в бескрайние луга с другими подругами, здесь, в Ганеше почему-то много комолых коров... Мне стало смешно, какие возвышенные мысли приходили мне, а тут мычащая бурёнка...

Ещё немного и пастухи защёлкают в воздухе кнутами, сопровождаемые лаем собак и уже золотыми лучами солнца, здесь, на каменистой почве, стада не поднимают туч пыли, как в наших бескрайних степях... Но сейчас солнце ещё голубое сквозь дымку предутреннего тумана. И в его свете, всё более теплеющем с каждым мгновением, я увидел, наконец, Онегу.

Она вышла из ближнего дома, так тихо, что я не в первый миг заметил её, держа пустую корзинку на согнутой руке. Неслышно спустилась с невысокого, всего в две ступени, крыльца и шла теперь, бесшумно ступая по тропинке, подолом юбки отталкивая растущую по бокам, отстоявшую траву, всё ещё зелёную, к дорожке, возле которой я жду её. Упруго колышется плотная юбка вокруг её длинных ног, меховая тужурка, шапочку она несла в руках, волосы, светясь в сумерках, вдоль спины и на грудь свободными кудрями, белое лицо... Онега... не мучь меня, стань моей, наконец, я уже месяц по тебе сохну здесь.

Все листья опали с деревьев, стала мёрзнуть по утрам земля, а на траве выступает иней, вот как на меху моей куртки

сейчас и на шапке, а увидел я тебя впервые в ещё тёплые дни до Равноденствия... Зачем тебе упираться, что плохого я предлагаю тебе, ты не пожалеешь, ты будешь счастлива со мной. Потому что я хочу сделать тебя счастливой... Хотя я не знаю ещё, что это значит у женщин, но может я пойму рядом с тобой? Я для тебя сделаю всё...

Я не ожидала сегодня увидеть здесь Явана. Три или четыре дня прошло, как мы виделись с ним. Но он не пришел, как тогда пообещал наутро, ни на следующий день я не видела его, ни на другой день. А потом перестала и ждать, с удивлением поняв, что действительно ждала и даже хотела, чтобы он пришёл, и сожалела, что он не выполнил свою «угрозу». Почему мне хотелось его видеть? Что такого было в нём, что отличало его от всех прочих, встречавшихся мне до сих пор мужчин? Да ничего, если не считать, что он не попытался ни разу поступить так, как поступали все: схватить, обнять, прижать, даже нахальных слов не говорил. Но главное: это удивительный свет, появившийся в его глазах при нашей последней встрече... Такого я не видела ещё ни в чьём взгляде...

Я вспоминала Явана все эти дни и, особенно, ночи, я думала, что, если бы... что, может быть, мне стоит отступить от данного самой себе обещания никого не любить больше, ни к кому не привязываться и никому не верить, чтобы не испытывать болезненного разочарования. Такого, что выжгло

мне душу дотла.

Но, выходит, не дотла? Если у меня появились желания, волнение вблизи него, при мыслях о нём? Если я думаю о нём, если оглядываюсь по сторонам, думая не о вездесущем Волке, с его наглыми ручищами и непонятными мне правами, которые он присвоил без малейших оснований, а в надежде увидеть огромные, ярко-голубые глаза Явана, снова светящиеся так, что у меня всё сладко замирает в животе и груди?..

Но все эти дни я не видела его. Стало быть, он раздумал ухаживать за мной. Было грустно, а потом я обрадовалась, что мне не надо теперь стоять перед выбором, не надо разрываться между тем, что говорит мне мой ум и тем, что жарко шепчет моё сердце, раскрывающееся в груди как большой жаркий цветок. Позволить ли цвести этому цветку или заморить его холодом и голодом?

Что ж, так спокойнее, так, как я жила до сих пор без этого цветка и этого жара... и вернее для меня. Куда меня заведёт этот жар... Даже об этом можно больше не думать.

Все последние дни я провела с Лай-Доном, который сопровождал меня в моей работе, вначале предусмотрительно не входя в дома к больным, только носил мою довольно тяжёлую корзинку, но вчера насмелился и помогал уже по-настоящему, поначалу бледнея, но всё больше осваиваясь, и, надо сказать, эта помощь была мне очень кстати.

А пока мы ходили от дома к дому, он рассказывал мне за-

бавные истории, а я смеялась, потому что он умеет рассказывать необыкновенно смешно, как никто.

Я спросила его, кто он при Яване, он немного задумался, а потом сказал:

– Я... Ну, назваться другом невозможно для раба, как бы ни хотелось, но...

– Разве ты раб? Ты не похож на раба, – удивилась я.

– То, что я держу себя свободнее, чем обычные рабы, это ещё не значит, что я не раб, – нахмурился Лай-Дон, отворачиваясь.

– Но скоморохи рабами не бывают, – сказала я, разглядывая его, – хотя, ты на скомороха тоже не похож...

Вообще-то он ни на кого не похож.

– Хотел бы я быть свободным скоморохом? Я не уверен уже, – печально улыбнулся он. – Ведь тогда пришлось бы самому думать о пропитании каждый день, о крове над головой, о том, чтобы меня не убили разбойники и прочем... А сейчас обо всём этом думает он, мой хозяин. К тому же он меня любит и ценит, будто я его племянник. Разве плохо?

Я засмеялась:

– Ты и, правда, раб, Лай-Дон.

Он вспыхнул, обиравшись на мои слова:

– Ну, вот ты не рабыня, но ты свободна? Разве ты можешь... например... отказаться и не пойти туда, куда тебя посылают? – запальчиво проговорил он, краснея немного и блеснув взглядом.

– Ты... – я покачала головой, улыбаясь.

Я задела его за живое, надо было промолчать...

– Я выбрала этот путь сама, как и всегда сама выбирала свой путь, чего бы это не касалось, поэтому я сама всегда отвечаю за то, что я делаю и куда иду. Человека нельзя заставить делать то, чего он делать не стал бы... выход есть всегда. Даже... Если тебе угрожают смертью, можно и умереть...

– А если угрожают не тебе? А тому, кого ты любишь? – глаза у него заблестели уже по-другому, прищурился немного, точно что-то хочет разгадать во мне. Что мне было ответить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.